

На правах рукописи

Страхова Ксения Александровна

**Конструктивно-критическая рефлексия феминизма
и антифеминизма в философско-антропологическом контексте**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

- 7 ИЮН 2012

Белгород 2012

Работа выполнена на кафедре философии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Научный руководитель

кандидат философских наук, доцент
Липич Тамара Ивановна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Поддубный Николай Васильевич
кафедра социальной работы и психологии
АНО ВПО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»

кандидат философских наук, доцент
Ковальчук Ольга Викторовна
кафедра социальной работы
НИУ «БелГУ»

Ведущая организация

**ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет»**

Защита состоится 20 июня 2012 г. в 14.30 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при НИУ «БелГУ» (308006 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан 21 мая 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Взаимоотношение полов на протяжении всей истории человечества находилось в центре внимания всех без исключения культур. Оно отражалось в мифе и искусстве, регламентировалось правовыми и моральными нормами, а также было широко представлено в религиозном и философском мировоззрениях. Особенно взаимоотношение полов актуализируется в современности, что связано с рядом факторов.

Во-первых, устойчивый и расширяющийся интерес, в том числе и философский, к взаимоотношению полов продиктован периодическими импульсами «сексуальной революции». Под ее влиянием особенно бурно протекала последняя треть прошлого века, а ее последствия сказываются и в нынешнем столетии. В России сексуальная (и гендерная) революция, начавшись еще в начале прошлого века, резко ускоряется на рубеже XX-XXI столетий в связи с демократизацией российского общества. За короткий в историческом измерении срок Россия в этом «вопросе», пожалуй, перегнала Запад, что объясняется издержками столь бурных и быстрых перемен и спецификой не склонной к постепенности и компромиссам «русской души».

Во-вторых, вопреки отечественной традиции и реальной ситуации в стране в сфере взаимоотношения полов Россия оказалась под заметным влиянием западного феминизма, не учитывающего отечественную специфику. Последнее прослеживается в социально-гуманитарном знании как в распространении «женских» исследований, так и в поверхностном заимствовании феминистской терминологии. Как итог, в российском гражданском обществе возникли феминистские организации. Ответная реакция не заставила себя ждать, проявившись в отечественном антифеминизме, пока еще не институализированном.

И, в-третьих, в современной философии наблюдается «антропологический ренессанс» (П.С. Гуревич), спровоцированный обострением кризисных форм бытия человека. Перед современным обществом и человеком стоит множество болезненных экзистенциальных проблем. Половой диморфизм в его социальном аспекте, как и взаимоотношение мужского и женского полов во всех его культурно-антропологических проявлениях, выступают важнейшей составляющей индивидуальной и социальной жизни человека и, соответственно, входят в предметное поле философско-антропологического знания.

Все эти аспекты определили актуальность и основную проблематизацию нашего диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. Феминизм как идеология и институциональное движение оформляется в эпоху европейского Просвещения. Так, например, уже в 1792 г. появляется работа М. Уоллстоункрафт «Отстаивание прав женщин». Классический западный феминизм представлен такими именами как Дж. Милль, С. де Бовуар, Э. Мольтман-Вендель, Г. Рубин, М. Макинтош, Д. Митчелл, К. Миллет, А. Тоттига и многие другие. Исследованием женской природы на Западе

занимались Б. Фридан, Н. Холмстром, К. Макмиллан, З. Фрейд. Вопрос женской этики поднимали Н. Ноддингз, С. Раддик.

Многие стороны феминизма получили широкое освещение в отечественной исследовательской литературе. «Женский вопрос», связываемый с освободительным движением в целом, был подвергнут философскому, историческому, социально-политическому, филологическому рассмотрению еще в советской науке. Работы Н.К. Крупской, И. Арманд, А. Колонтай, П.Ф. Абрамовой, Н.С. Осокиной, Н.А. Бейлиной, О.А. Хасбулатовой, Е.В. Кочкиной касаются женского вопроса советского периода.

Рассмотрением положения русской женщины в обществе в разные исторические периоды занимаются С.Г. Айвазова, Е.Б. Груздева, Е.А. Дегальцева, С.И. Кайдаш, В.Л. Колесникова, И.Е. Забелин, Т.А. Мельникова, Д.Л. Мордовцев, Н.Л. Пушкарева, Г.А. Тишкин, Э.С. Чертихина, С.П. Шаповалова, И.И. Юкина, З.А. Янкова и др.

В настоящее время в отечественном социогуманитарном знании наблюдается повышенный интерес к так называемым «гендерным» проблемам, есть попытки дисциплинарного оформления «феминологии» и «гендерологии». Выходят периодические научные издания и сборники научных трудов и материалов конференций, посвященных гендеру. К «гендеру» обращаются философы, политологи, гендерные исследования широко представлены в социологических исследованиях; защищено и продолжает защищаться значительное количество диссертаций по тем или иным аспектам взаимоотношения полов. Вопросы гендера и гендерного равенства рассматривают О.А. Воронина, С.Г. Айвазова, Н.А. Шведова, Г.Л. Кертман, Н.М. Ромашевская, А.В. Волочай, Е.В. Гредновская, Н.А. Зуева, Н.Н. Колесникова, Н.В. Маслюк. Работы Н.И. Абубикировой, Т.А. Клеменковой, Е.В. Ночкиной, М.А. Регентовой посвящены российским женским организациям. Г.А. Ельникова, Н.Л. Пушкарева, О.А. Полошкевич, А.А. Темкина, И.В. Крылова занимаются проблемами российского феминизма.

Как реакция на феминизм и почти одновременно с ним возникает и так называемый «антифеминизм», который можно скорее рассматривать в его первичных формах как некую «критику феминизма», нежели в качестве институализированного феномена. Соответственно, феминистские и антифеминистские проблемы (первоначально они скорее выступают как коммуникативные практики и публичные дискурсы) не обходят вниманием и философы: начиная с позапрошлого столетия, многие философы обращаются к взаимоотношению полов, публично высказывают свое отношение к роли женщины в обществе и к так называемому «женскому вопросу». На Западе – И. Кант, А. Шопенгауэр, К. Маркс и Ф. Энгельс, Ф. Ницше, О. Вейнингер, З. Фрейд, которые часто, как случилось с О. Вейнингером, выступали провокаторами феминизма. В России это, прежде всего, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов, В.И. Ленин,

Н.А. Бердяев, Н.Ф. Федоров, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков и многие другие. Таким образом, историко-философское наследие является важной составляющей современного философского контекста оппозиции и диалога феминизма и антифеминизма.

Феминистские устремления и мужская критическая реакция на них, их терминологическое, идеологическое и организационное оформление начинают происходить с позапрошлого столетия, но приобретают новые импульсы и существенно актуализируются в связи с развернувшейся в XX веке сексуальной революцией. Женоненавистничество и мужской шовинизм лежат, конечно, в основе антифеминизма, но возникает он только как результат неприятия феминизма, радикальное крыло которого представляет собой женский шовинизм (сексизм наоборот). Соответственно, в антифеминистских публикациях наличествует расхожий тезис, не всегда лишенный основания, об ущемлении прав мужчин, о женском господстве в современном обществе. То есть стороны – феминизм и антифеминизм – в своей воинствующей, непримиримой форме конфликтуют преимущественно по вопросу о власти, представляющему собой сугубо социально-политическую проблему. Связь политики с экономикой, правом и иными сферами общественной жизни обуславливает распространение дискуссии (и действий) сторон за пределы собственно политики. В связи с этим уместно вести речь не только о политическом, но и о правовом, экономическом, психологическом, педагогическом (образовательно-воспитательном), социологическом, сексологическом, культурно-эстетическом аспектах данной дискуссии.

В современной западной науке антифеминизм уже исследуется достаточно целенаправленно, что вполне соответствует тому факту, что данный феномен приобрел там вполне институциональные формы. Так, например, С. Киннард проделала огромную работу, собрав большинство сохранившихся антифеминистских мыслей XXI-XX столетий в аннотируемую библиографию. Туда вошли цитаты, принадлежащие американским деятелям науки и культуры того времени: главному врачу психиатрической больницы в Йоркшире сэру Дж. Крайтон-Брауну; практикующему врачу и одновременно литературному деятелю А. Кенели; пастору и впоследствии ректору колледжа Хамилтон Самуэлю Фишеру и др. Нельзя обойти стороной Кр. Х. Соммерс и К. Паглия, которые хоть и называют себя феминистками, но так ярко критикуют современный американский феминизм, что их скорей можно отнести к аппозиционному крылу. У. Фаррел, бывший феминист, занимается мужскими вопросами.

Широко представленные исследования феминизма и пока еще нуждающиеся в дальнейшем осмыслении работы по антифеминизму осуществляются в предметном поле соответствующих социально-гуманитарных дисциплин. Но не остается в стороне и богословие: независимо от конфессии в трудах современных религиозных авторов, опирающихся на сложившиеся в традиционном, патриархальном по своей сути обществе воззрения на взаимоотношение полов, в явной или завуалированной форме

присутствуют антифеминистские настроения. Аналогично с религиозно-богословскими текстами по вопросам пола, которые также входят в предметное поле философского исследования феминизма и антифеминизма. Э. Мольтманн-Вендель, например, выступает в духе «феминистской теологии» за пересмотр теологии «мужской». Имеются многочисленные публикации по вопросам пола и семьи православных авторов. Отечественный кальвинист Б. Смородин (Санкт-Петербург) разместил в теологическом листке электронный вариант своего эссе «Дивергентизм феминизма», в котором, когда справедливо, когда тенденциозно, критикует феминизм с позиций антифеминизма.

Рассматривая феминизм, его конструктивную критику и антифеминизм, философия не ограничивается одними только достижениями религиозно-богословского и социально-гуманитарного знания, так как половой диморфизм имеет природные, биологические основания. Да и сами конфликтующие стороны активно обсуждают «природу» человека, общее (преимущественно феминизм) и особенное (преимущественно антифеминизм) в его маскулинных и феминных проявлениях.

Границы осмысления дихотомии «феминизм – антифеминизм» еще предстоит определить. Пока приходится констатировать неопределенность, расплывчатость последних, что связано и с претензией социально-гуманитарных дисциплин, приобретших междисциплинарный характер на роль «метанауки». Например, Б.Г. Ананьев такую роль был готов отвести психологии. Н.В. Хамитов рассматривал роль философии в качестве «человекопсихософии». Теснит философию в вопросах пола и сексология. И.С. Кон приводит позицию И. Блоха, убежденного, что именно сексология должна синтезировать данные всех наук о человеке. Сам И.С. Кон полагает, что современная сексология включает биомедицинские, социокультурные и психолого-педагогические исследования. Здесь неизбежно напрашивается вопрос: философия, реализуя мировоззренческую функцию, обобщает теории и практику взаимоотношения полов, включая сексологию, или сексология адаптирует философские исследования пола и любви? Противоречия нет, поскольку, когда сексология опирается на философию, реализуется методологическая функция последней.

В связи с этим задача философского исследования оппозиции феминизма и антифеминизма заключается не только в изучении и обобщении собственно феминистских и антифеминистских текстов и конкретной практики взаимоотношения полов, отражаемой рядом социально-гуманитарных дисциплин, но и в анализе тех текстов, в том числе и литературно-художественных, авторы которых высказываются по взаимоотношению полов.

Таким образом, публичная полемика феминизма и антифеминизма и теоретическая оппозиция «феминизм – антифеминизм» подлежат пристальной философской рефлексии. Философская антропология, раскрывающая существенные и экзистенциальные основы человеческого бытия, не может проходить мимо вопросов пола как в социальном, так и биологическом их измерении, независимо от того, что под философской антропологией понимать:

междисциплинарное направление, впервые заявленное А. Геленом, Г. Плеснером, М. Шелером, или часть философии, входящую наряду с онтологией, гносеологией и т.д. в дисциплинарную структуру и контексты последней. Как основа общей теории человека философия, в свою очередь, опирается на достижения специальных дисциплин и на трансформации, разворачивающиеся в социокультурном пространстве. Соответственно, все разнообразные стороны взаимоотношения полов, включая их статус в обществе, так или иначе, представляют интерес для философской антропологии и составляют предметное поле философского осмысления.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что проблемы конструктивной критики феминизма и «антифеминизма» пока не получили специального философского осмысления в отечественной социально-гуманитарной науке и философии, что обуславливает новизну и востребованность философско-антропологического понимания феминизма и антифеминизма.

Объект и предмет исследования выступает *взаимоотношение полов, отражаемое в социокультурных феноменах феминизма и антифеминизма.*

Предметом исследования является *антифеминизм как критическая социокультурная и теоретико-идеологическая реакция на феминизм.*

Цель исследования состоит в *философско-антропологической интерпретации и конструктивной критике культурных оснований теории, практики и идеологии феминизма и антифеминизма.*

Достижение данной цели предполагает решение следующих *задач*:

- дать интерпретацию основных образов феминизма и антифеминизма в культуре, философии и науке;
- рассмотреть феминистские и антифеминистские тенденции в отечественной культуре, литературе и философии;
- выявить междисциплинарные и философско-антропологические парадигмы антифеминистской критики феминизма;
- определить специфику дихотомии «феминизм – антифеминизм» в современном философско-антропологическом дискурсе.

Теоретико-методологические основы исследования. Для наиболее продуктивной реализации поставленных в исследовании целей и задач, использовался комплекс ниже перечисленных методов, принципов и подходов:

- использована диалектика, позволяющая сочетать противоположные культурные, политико-идеологические, антропологические и теоретические начала, выраженные в феминистском и антифеминистском мировоззрении и дискурсе;
- компаративный подход: в его основу положен общенаучный метод сравнения, позволяющий сопоставить западную дихотомию «феминизм – антифеминизм» с отечественной;
- принцип толерантности реализуется в исследовании на основании плюрализма мировоззрений (конкретно феминистского и антифеминистского);
- биографический метод предполагает, что некоторые события, факты из жизни авторов литературно-художественных, научных и философских текстов

тем или иным способом оставили след в их мировоззрении и идейном содержании текстов, но и в контекстах, в том числе и культурно-исторических.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– культурно-историческая и историко-философская реконструкция основных образов феминизма и антифеминизма в культуре, философии и науке, позволила установить, что феминизм и антифеминизм представляют собой не только культурно-идеологические движения, но и определенные научные и философские установки и принципы;

– исследованы основные феминистские и антифеминистские тенденции в отечественной культуре, литературе и философии, которые в определенной мере опережали западные феномены и обладали собственной культурно-идеологической спецификой;

– выявлены междисциплинарные и философско-антропологические парадигмы антифеминизма и феминизма, в которых познавательный потенциал может быть реализован только в конструктивной критике и взаимном диалоге;

– определена специфика дихотомии «феминизм – антифеминизм» в современном философско-антропологическом дискурсе, которая определяется выработкой новой биархатной модели взаимоотношения полов в пространстве конструктивной критики и диалога феминизма и антифеминизма.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феминизм как культурно-идеологический феномен возникает в эпоху «нового времени» и отражает объективные тенденции в развитии индустриальной цивилизации. Не смотря на совершенно разное, даже противоположное отношение к женщине, писатели, философы и ученые XIX – начала XX веков признавали наличие социального неравенства и, в основном, являлись приверженцами патриархальных традиций, свойственных тому времени. Это можно рассматривать в качестве предпосылок антифеминизма. Игнорируя факт единой *человеческой сущности* мужчин и женщин и неразрывной взаимосвязи и взаимодополняемости полов, отражаемой в культуре, религии и науке, феминизм и антифеминизм акцентируют внимание на различиях мужского и женского *существования*, с той лишь разницей, что феминизм стремится обрести сугубо мужской социальный статус и стать «мужественнее мужчин», а антифеминизм всячески защищает патриархатную модель взаимоотношения полов, опираясь на традиционное господство мужчины над женщиной, и выступает с позиций мужского превосходства.

2. Феминизм в России имеет собственные культурные и философские предпосылки и свои особенные традиции движения женской эмансипации. В отличие от Запада массовое женское движение и феминизм как культурно-идеологическое движение в России было гораздо более политизировано, смыкаясь с религиозными и социалистическими утопическими идеалами. После 1917 г. в России было провозглашено равенство женщин и мужчин, далеко не формальное, а патриархатные традиции оказались подорваны в результате секуляризации. Реальному равенству полов способствовали, с одной стороны, проводимая властью целенаправленная политика по выдвиганию

женщин на некоторые статусные уровни общественной иерархии, с другой – демографическая ситуация, обострившаяся после Великой Отечественной войны.

3. Исследование показало, что в современной теории преобладают социологические парадигмы и фактически отсутствуют философско-антропологические работы по проблемам антифеминизма. Конструктивно-критическая рефлексия феминизма не обязательно является антифеминистским дискурсом и позволяет сделать вывод о том, что феминизм оказался исторически и гуманистически оправданным, сыграл очевидную положительную культурно-идеологическую и социальную роль, добился вопреки патриархатному (и антифеминистическому) сопротивлению значительных результатов. В обществе постмодерна, характеризующемся становящейся биархатностью, феминизм себя в старом виде и как движение, и как идеология уже исчерпал.

4. В современном российском социокультурном пространстве имеют место как феминистские, так и антифеминистские настроения. Патриархатные, потенциально антифеминистские настроения разделяются не только религиозной, но и светской, секуляризированной частью российского общества. Современные русские женщины теоретически и формально юридически имеют те же права и возможности, что и мужчины. Традиции, в том числе и патриархатные, уживаются с модернистскими и постмодернистскими установками и ценностями; наблюдается тенденция к взаимному, т.е. реальному равенству полов, нарушать которое стремятся феминизм и антифеминизм в своих крайних проявлениях. С учетом особенностей отечественного «мультикультурализма», в котором широко представлены вытекающие из традиционных установок патриархатные настроения, ситуация, в целом сложившаяся в отношениях мужчин и женщин, удовлетворительна для большинства россиян обоих полов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской работе гендерной направленности и при создании учебных и методических пособий по курсам философской антропологии, гендерологии, феминологии, гендерной социологии и андрологии. Результаты диссертационного исследования найдут применение в разработке культурно-образовательных и антропологических программ и проектов различного уровня по снятию социальных конфликтов во взаимоотношении полов.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были представлены на следующих конференциях: Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Философия поверх барьеров: планетарное мышление и глобализация XXI века» (Белгород, 2006); на II Международной конференции «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы» (Омск, 2007); международной научно-практической конференции

«Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте» (Одесса, 2007); I Международной научной конференции (памяти С.Н. Булгакова) «Булгаковские чтения» (Орел, 2007); на Международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития физкультурного образования на современном этапе» (Белгород, 2007); Международной научно-практической конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2007» (Одесса, 2007); II Международной конференции «Исследование мира и миротворческий дискурс в системе образования» (Томск, 2008); I международной научно-практической конференции «Современные проблемы науки» (Тамбов, 2008); Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь в начале нового столетия» (Губкин, 2008); Международной научно-практической конференции «Духовная безопасность молодежи в общественно-политическом и социальном пространстве современной России: основные стратегии развития» (Белгород, 2009); Международной научной конференции «Шестые Страховские чтения: философские проблемы понимания в культуре и науке» (Белгород, 2010); Всероссийской научно-практической конференции «Православие и духовный мир молодежи» (Белгород, 2007); XXVIII Всероссийской научно-практической конференции «Менталитет, мировоззрение, credo в педагогике ненасилия» (Санкт-Петербург, 2007); Всероссийской научно-практической конференции «Этнокультура и современность» (Белгород, 2009), II Всероссийской научной конференции молодых ученых, докторантов, аспирантов и студентов (Белгород, 2008); Всероссийской научной конференции «Проблематизация человеческого бытия в современном мире» (Курск, 2008); IX региональной научно-практической конференции «Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития» (Белгород, 2007).

По теме диссертации опубликовано 26 работ общим объемом 7,51 п.л., из которых две статьи – в журналах из списка ВАК.

Диссертация обсуждалась и рекомендована к защите на заседании кафедры философии НИУ «БелГУ».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В *первой главе* «Дихотомия «феминизм – антифеминизм» в истории культуры и философии» рассмотрены основные культурные, философские и религиозно-богословские образы и парадигмы феминизма и антифеминизма.

В *первом параграфе* «Философско-антропологические образы феминизма и антифеминизма в культуре, философии и науке» отмечено, что проблема полов издавна присутствует в различных учениях и традиционных обществах, но феминистские и антифеминистские тенденции, как оппонирующие друг другу, явно представлены в мировой культуре только с XVIII века, т.е. связаны с миром «модерна» и «просвещения».

Феминизм как движение женщин за их освобождение и права имеет несомненное историческое оправдание и сыграл в XIX и XX веках как на Западе, так в России прогрессивную роль. Женоненавистничество и мужской шовинизм (первое преимущественно как патология) имели место и до организационного и теоретического оформления феминизма, реакцией на который и выступил антифеминизм.

Зримых результатов феминизм достигает уже в позапрошлом столетии, поддерживаемый прогрессивно настроенными мужчинами, особенно радикальной частью социалистов и приверженцев социальных утопий (на Западе, например, это К. Маркс и Ф. Энгельс, в России – Н.Г. Чернышевский). Не случайно в рядах феминизма оказывается немало женщин-революционерок: борьба за социальное равенство перекликалась с борьбой за равенство полов. На это обстоятельство обращают внимание современные антифеминисты, подчеркивающие, что угнетаем и ограничен в свободах и правах был в прошлом и мужчина низших классов. Феминизм как женское движение XIX века преследовал достижение равенства с мужчинами в избирательных правах (суфражизм), в доступе к образовательным услугам, в возможностях трудоустройства. Наиболее конкретно образы антифеминизма в западной культуре, философии и социально-гуманитарной науке представлены уже в XIX веке в работах таких известных философских и литературных деятелей как Ф. Ницше, О. Вейнинггер и О. Уайльд.

Как философ, Ницше с его специфическим, насыщенным аллегориями и афоризмами языком, интересом к проблемам опровергаемой старой и провозглашаемой новой морали фактически обходит вниманием всю развернувшееся в Европе второй половины позапрошлого столетия движение за женскую эмансипацию, игнорирует феминизм, ограничиваясь разве что упоминаниями. Но общая тональность его произведений, и отдельные высказывания по взаимоотношению полов, а, главное, основополагающие идеи позволяют констатировать позицию философа как антифеминистскую. Присущ Ницше и мужской шовинизм. Обрушиваясь с критикой на современный ему мир, философ разделяет то патриархальное отношение мужчины к женщине, которое традиционному обществу присуще. Он защищает неравенство во всех его проявлениях. Ницше уважает все великое – великие свершения, великие страдания, даже великие преступления – и выступает последовательным противником пологого разврата. Он отнюдь не опровергает институт брака. Но он критикует тот брак, в котором мужчина превращается в служанку женщины, а женщины становятся мужчинами. Зависимое положение женщины философ выводит из материнского инстинкта, следовательно, исходит не из социальной, а из природной определенности неравноправия полов. Материнство и возделывание «сада супружества» – вот, пожалуй, две положительных, по убеждению Ницше, женские функции. Философ отмечает чуждость полов друг другу. Обращаясь к характеристике женщины, Ницше выделяет целый ряд отрицательных женских качеств.

О. Вейнингер отталкивается от изначальной природной «беспрерывно действующей двуполости» человека: в каждом мужчине присутствует отстоящее от мужского идеала «женственное», а в каждой женщине – «мужественное». Под эмансипацией Вейнингер понимает желание женщины внутренне сравняться с мужчиной, достичь его духовной и нравственной свободы, разделить его интересы и овладеть силой творчества, что женственности не свойственно, этого хочет только мужчина, в ней заключенный. Настоящей женщине (в которой доминирует женственное) эмансипация не нужна. Вейнингер отказывает женщине в героизме и трагизме, в сознательности, чувстве вины, самооценности, воле. Женщина, по его мнению, лишена личности, а потому с готовностью расстается при вступлении в брак со своей девичьей фамилией. Женщина аморальна. Даже в природной красоте Вейнингер отказывает женщине. Женщина – ничто, поэтому из нее можно сделать все, что угодно. Женщина – материя, а мужчина – активная форма. Воззрения Вейнингера на женщину не только антифеминистские, они антиженские, что не может не провоцировать крайне критическую реакцию как со стороны женщин, так и со стороны многих теоретиков-мужчин.

О. Уальд в своих идеях, образах и высказываниях весьма противоречив. Данное обстоятельство затрудняет осмысление собственной позиции автора, которая излагается через его литературных персонажей, допускающих порой взаимоисключающие точки зрения. В связи с этим неизбежно встает вопрос: определяются ли эти противоречия личной непоследовательностью автора, его стремлением объективно выразить господствующие в обществе противоположные мнения или желанием разнообразить диалог, лишь оттенить высказанное несогласием. В афоризмах Уайльда всячески подчеркивается половой диморфизм, однако при этом не только сравнение не в пользу мужчины, но и высказываются довольно унижительные, во всяком случае, для современной нам женщины, отнюдь не бесспорные соображения, льющие воду на мельницу антифеминизма: писатель считает, что женщины не обладают здравым смыслом, любовь мужчины шире, добрее, человечнее, женщины не бывают гениями, они – декоративный пол, они слишком ограничены, они подчиняются первобытным инстинктам. Скепсис писателя распространяется и на возможность семейного счастья, и на романтику любви, и на господствующую мораль, и на общественную роль женщины. Присутствует у писателя и сознательный эпатаж. Тем не менее, Уайльд предстает в широком смысле как более или менее последовательный антифеминист.

Эти идеи классического века европейского модерна нашли отражение в соответствующих философских и научных парадигмах. В отличие от всех иных аспектов человеческого бытия, в социализированном половом диморфизме присутствует неразрывное единство природного и социального начал. Провозглашаемая рядом философских – классических и неклассических – учений, *андрогинная природа человека* в современной интерпретации означает признание маскулинных и феминных психологических черт, сочетание которых присутствует как в сознании мужчин, так и женщин. Целый ряд зарубежных и

отечественных авторов, высказывающихся по проблемам пола и любви, отмечают недопустимость абсолютного деления на мужчин и женщин, причем как в физиологическом, так и особенно в психологическом отношении. В каждом мужчине есть в той или иной степени женские черты, а в женщине – мужские. Крайности здесь – несчастные жертвы игры природы, пресловутые транссексуалы, идентифицирующие себя как противоположный своему биологическому началу пол и готовые на хирургическое вмешательство, обеспечивающее им соответствие биологического пола и самосознания. Воинствующие феминистки – своего рода «социальные транссексуалы», стремящиеся быть мужчинами во всем, кроме физиологии, включая традиционные мужские претензии на социальное превосходство, что, конечно, провоцирует воинствующую антифеминистическую реакцию. При этом подавляющее большинство философов выступают с патриархатных позиций. Они отводят женщине, исходя из ее реальных и приписываемых качеств, второстепенную по сравнению с мужчиной роль.

Таким образом, в истории культуры, философии и науки сложились самые разные, порой противоположные представления о половом диморфизме. Но вне зависимости от отношений «властность – подчинение» как в природном мире, так и в мире человеческом, в котором «культура» снимает «натуру», оба пола на родовом и индивидуальном уровне остро нуждаются друг в друге. В первом случае исключительно в связи с инстинктом размножения, во втором вступают в силу еще и многочисленные социальные факторы, способствующие совместному сосуществованию и сближению полов. Исключение составляет конфронтация феминизма и антифеминизма в их радикальных формах, действительно представленная «холодной войной».

Во *втором параграфе «Философские и религиозно-богословские предпосылки отечественного феминизма и антифеминизма»* исследуются культурные традиции, философские и религиозно-богословские предпосылки отечественного феминизма и антифеминизма.

Отмечено, что патриархатное общественное устройство традиционной России не оставляло женщине шанса на равные с мужчиной права и возможности. Выражало мужское и женское неравенство и христианство, находя оправдание ему в сотворении Адама и Евы и в первородном грехе. Следует отметить, что многие богословы стараются смягчить идею подчиненности жены мужу и пресловутое «жена да убоится мужа своего». Согласно христианскому учению, семья является малой Церковью, преимущественно духовным единением супругов, и в ней установлено от Бога идущее распределение обязанностей мужа и жены. Не возражая против объективно растущей общественной роли женщины, христианство, тем не менее, придерживается той иерархии, где социальная активность преимущественно отдается мужчине, и, соответственно, отнюдь не поощряет феминистское движение в каких бы то ни было формах.

Однако антифеминистские настроения стали заметны в русской философской мысли позапрошлого – начала прошлого веков. Разумеется,

русская философия представляет собой широкий спектр мнений по вопросам феминизма. Вне зависимости от мировоззренческих убеждений русские философы по-разному относились к женской эмансипации. Чрезвычайно уважительное отношение к женскому образованию и женскому участию в общественной жизни демонстрируют А.И. Герцен и Ф.М. Достоевский. Наиболее ярко и последовательно за эмансипацию женщины выступает Н.Г. Чернышевский, чьи воззрения легли в основу понимания равенства полов уже в советское время. Чернышевский в своем стремлении к равенству полов даже доходит в отличие от других отечественных мыслителей до крайностей, перекликающихся с современными феминистскими представлениями о сексизме, когда говорит в своем романе «Что делать?» об оскорбительной, как он считает, для любой думающей и уважающей себя женщины мужской галантности. В романе «Что делать?» он охарактеризовал период патриархата как смену царств Астарты, Афродиты и Непорочности. В царстве Астарты женщина являлась рабыней, в царстве Афродиты – полурабыней, в царстве Непорочности в женщине уже пробуждается сознание, что и она человек. Чернышевский уповал, что женщина во всем станет равной мужчине.

Идея равенства полов, причем в крайнем, доходящим до призывов к физическому равенству, пониманию, была присуща революционерам-радикалам (к примеру, А.А. Богданову – своеобразный вариант «амазон-феминизма», культивирующего образ женщины-героя и делающего упор на физическое равенство женщины с мужчиной). До него такой предстает русская женщина у Н.А. Некрасова (та, которая и коня на скаку остановит и в горящую избу войдет).

Русское дореволюционное женское движение имело под собой объективную основу и было вызвано потребностью времени. Но оно ограничивалось требованием равенства в образовательной, трудовой, политической областях, протестовало против зависимо от мужчины положения женщины в семье, когда мужчина настолько злоупотреблял положением главы семьи, что это шло вразрез и с патриархальными православными установками на отношения мужа и жены. Возникнув в образованных слоях общества, женский протест, по свидетельству А.И. Герцена, принял «дикие» формы, связанные с дикостью положения женщины в семье. Но неосознанный и дикий протест трансформировался в сознательное, уже не из сердца, а из головы идущее, стремление к образованию, к экономической независимости, к участию в общественных делах и труде. Справедливое движение к равенству нашло немало оппонентов.

Феминизм был вынужден преодолевать стену довольно сплоченного мужского сопротивления, в том числе и на отечественной социокультурной почве. Даже такие поборники женского образования как А.И. Герцен (заметим, приветствовавший идеи Чернышевского) или Ф.М. Достоевский не были лишены сознания мужского превосходства. Тем более В.В. Розанов, Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров, каждый по-своему, выступили противниками женской эмансипации. Их возражения и выражения по поводу женского

вопроса были очень резки. Толстой был убежден и убеждал других, что женский вопрос мог возникнуть только среди мужчин, отступивших от закона настоящего труда и провоцирующих женщин браться за «мужское безделье». По убеждению Толстого, женщина должна безостановочно, пока позволяет здоровье, рожать. Как бы далеко от традиционного Православия эти авторы не отходили, формально они отталкивались от христианских представлений, в том числе и «язычник» Розанов. Розанов возводит семейные ценности в своеобразный культ, постоянно обращаясь к положению о спасении женщины «чадородием». Главная задача женщины – сохранение домашнего очага, женственность, черты «семьянинки», вопреки наступающей на эти ценности грубой и технической цивилизации. А Н.Ф.Федоров даже выступает противником деторождения, «похоть» которого со временем должна замениться «общим делом» – воскрешением умерших предков. Особую позицию по «женскому вопросу» занимал Н.Н. Страхов, увязывая крайности «феминизма» с «плодами европейского просвещения».

После революций 1917 г. и установления в стране большевистской власти было достигнуто реальное равенство возможностей полов, а на сугубо мужском труде женщин сказалась и демографическая ситуация, спровоцированная вначале гражданской, а потом и Великой Отечественной войнами, и идеологическая установка. Более того, женщинам в политической сфере социалистического общества были предоставлены те квоты, которые в ряде стран Запада (например, в скандинавских), появились только спустя несколько десятилетий как результат влияния феминизма и уступок ему. Равенство возможностей полов только укрепилось в постсоветской России, разве что исчезли унижающие женское достоинство квоты, что сделало феминистское движение неактуальным.

Объективный, неизбежный и нравственно оправданный процесс эмансипации женщины, оправдывающий феминистское движение в прошлом, уже в XX веке стал принимать крайние формы, породив ответную и опять-таки крайнюю антифеминистскую реакцию, наблюдаемую и в современной России. При советской власти женщина получила формальное равенство с мужчиной, женщины в СССР стали вторгаться даже в сугубо мужские занятия. Свой вклад в женскую эмансипацию внесла и сексуальная революция, начавшаяся в 60-е годы и особенно бурно протекающая в России с 90-х годов прошлого века.

Во второй главе «Диалог феминизма и антифеминизма в современной культуре и философской антропологии» исследуются философско-антропологические и культурологические парадигмы снятия дихотомии «феминизм – антифеминизм» в современном контексте.

В *первом параграфе «Основные современные парадигмы антифеминистской критики феминизма»* отмечено, что «множественность человеческой природы» (Дж. Лакс), включающая разнообразие политических убеждений и конфессиональных установок, расовой и этнической принадлежности, нравственных устоев и эстетических предпочтений, сексуальной ориентации и полового диморфизма предполагает толерантное

отношение к «чужому» и «другому» во всех формах его проявления и отказ от поисков «врага».

Феминизм, хотя и поддерживался отдельными мужчинами, был вынужден преодолевать стену довольно сплоченного мужского сопротивления. Как реакция на феминизм возникает антифеминизм. Усиливала антифеминистские настроения близость феминизма к радикальным социально-политическим движениям и воинствующая крайность ряда самих его представителей. Феминистки посягнули даже на традиционные религии, потребовав собственной «феминистской теологии». Исторически и гуманистически оправданный, феминизм сыграл очевидную прогрессивную положительную роль и добился вопреки патриархатному (и антифеминистическому) сопротивлению значительных результатов. Соответственно, в обществе постмодерна, характеризующегося становящейся *биархатностью*, феминизм себя и как движение, и как идеология фактически уже исчерпал. Более того, в условиях современной демографической ситуации, которая сложилась в развитых странах, востребованной как никогда прежде оказывается женщина-мать, особенно, когда отцы-одиночки перестают быть маргинальными. Явно наличие разногласий и даже «войны» внутри самого женского движения. Феминистская критика не представляет собой какой-либо отдельной специфической школы, обладающей своим собственным методом, и существует на стыке нескольких критических подходов и направлений: культурно-социологического, постструктуралистского, неотрейдистского и других. Признаки существования *феминистской философии* как таковой найти очень сложно. Она практически не изучена философами. Почти все работы феминисток относятся к социологии, да и те, что затрагивают области философии, к самой философии как таковой имеют мало отношения. Л.М. Алкофф, например, объясняет это тем, что «феминистская философия» расходится в метафилософском основании от большинства философий и в результате переоценивает соответствующую проблематику в различных областях исследования.

Феминизм, как ориентируемое на изменения общественное движение, породил свою антитезу – антифеминизм, движение и публичный дискурс, который появляется, когда феминизм, против которого он направлен, достигает относительно крупных размеров. На протяжении всей истории существования женского движения, антифеминизм «протряпался» лишь несколько раз. И мы с уверенностью можем заявить, что сейчас он находится в спящем состоянии. Большинство, если не все представители, например, молодого американского поколения, даже не сталкивалось с этим термином, чего конечно нельзя сказать о нашей российской молодежи. Это обусловлено сравнительно недавней «американизацией» и заимствованием иноязычных терминов, включая связанные с гендерологией и историей феминизма.

Как ни странно, теория феминизма до сих пор изучается со всех сторон и различными науками, чего не скажешь об антифеминизме, которым ученые и философы так и не начали серьезно заниматься. Насколько нам известно, ряд

феминистов поднимал вопросы социальных корней западного (прежде всего, американского) антифеминизма. Было выдвинуто две основные теории. Первая подходит для представителей обоих полов (и мужчин, и женщин). В ней говорится, что противниками феминизма в основном являются представители социального экономического статуса ниже среднего, сельские жители и люди более старшего возраста, которые всегда были консервативны по отношению к социальным или моральным вопросам, т.к. они менее образованы и более уязвимы по отношению к социальным изменениям по сравнению с другими. Вторая теория применима исключительно к женскому полу. Согласно ей, антифеминистское настроение в основном присуще наиболее незащищенным и зависящим от мужского пола женщинам. Они боятся даже незначительной угрозы их относительной безопасности, которую они видят в замужестве и семейных отношениях. Таким образом, работающим феминисткам с достаточным личным доходом и высокой степенью экономической независимости противопоставляются домохозяйки-антифеминистки с незначительными личными материальными ресурсами и экономически зависимые от их мужей.

Так же существует теория, что показателем принадлежности к тому или иному полюсу является религиозная принадлежность. Конечно, все эти теории правильны, но лишь в комплексе. Их нельзя рассматривать отдельно. Ведь даже воспитание влияет на мировоззрение личности и, как следствие, на отношение к самому феминизму. Да и сама религиозная принадлежность при более детальном рассмотрении подлежит делению на вероисповедания и даже деноминации, ведь различные религиозные организации имеют разную степень лояльности к социальным изменениям (консервативные религии более вероятно будут выступать против таких изменений, чем либеральные).

Шафетз и Дворкин, профессора социологии Хьюстонского университета, еще в 1987 году предприняли попытку развить межкультурную и историческую теорию антифеминистских движений. К сожалению подобных исследований этого контр-движения было проведено очень мало. Авторы выделили всего два элемента, из которых состоит антифеминизм: группы личной заинтересованности и добровольные ассоциации. К первому элементу относятся представители более высокого социального класса, нежели большинство феминисток, посягающих на их интересы. Сами они к движению официально присоединяются редко, боясь негативной общественной реакции, но всячески его поддерживают, в том числе и финансово. Второй же элемент совпадает своей классовой принадлежностью с большинством феминисток, но они считают, что новые экономические и структурные образцы разрушают их социальный и профессиональный статус. Шафетз и Дворкин считают, что основное различие между женщиной-феминисткой и антифеминисткой заключается в степени их ролевой ограниченности.

Шафетз и Дворкин выявляют пять общих характеристик антифеминистских контрдвижений: 1) открытая организационная поддержка духовенством главных ортодоксальных религиозных организаций; 2) скрытая,

если не открытая, организационная поддержка группами личной экономической заинтересованности; 3) временная задержка между началом общественной видимости женского движения и первыми организационными усилиями антифеминистских добровольных ассоциаций, с последующим распространением, только после того, как первое достигнет существенных размеров и существенного или надвигающегося успеха в главных целях; 4) высокий процент антифеминистских активистов с одной из следующих черт: а) замужние женщины, которые ограничивающие себя традиционной ролью домашней хозяйки, б) члены семей, чей класс или статус подвергается угрозе, исходящей от других социальных групп, в) члены элитных семей, которые получают прибыль в основном с помощью статусных и экономических условий благодаря статусу-кво, г) работники на традиционно разделенных по половому признаку низкооплачиваемых рабочих местах; 5) идеология, которая подчеркивает традиционные ценности, образы жизни, и ролевые обязательства; определяет женскую первичную функцию с точки зрения семьи и мужчин как экономической поддержки; определяет семью как центральную в национальном благосостоянии; и определяет феминизм как разрушительный для этих ценностей.

Антифеминисты видят в феминистских целях разрушение традиционных семейных ценностей и ролей, и, следовательно, представляют его угрозой благосостоянию страны в целом. Феминизм обвиняли, да и продолжают обвинять в уменьшении рождаемости, в увеличении числа разводов, и вообще в упадке семьи. Сексуальная революция и свободная любовь – все это детища феминизма, влекущие за собой распространение ВИЧ и других половых заболеваний, нежелательную беременность и аборт, и вследствие этого даже бесплодность. Приобретя экономическую независимость, женщина может вообще не выходить замуж.

Феминизм изначально требовал равноправия полов, но в результате породил противоречивости. Современные антифеминисты считают угнетаемым уже мужской пол. По всему миру существует множество мужских организаций, правозащитных ассоциаций, альянсов и т.д., выступающих в поддержку мужских прав на отцовство и воспитание детей. Эти организации то возникают, то исчезают и сменяются новыми. В основном они признают право всех женщин на равенство, но считают, что злоупотребление этим равенством вызывает неустойчивость, приводящую к дискриминации уже прав мужчин. Эти организации ставят перед собой цели противодействовать разрушению института семьи через умаление мужской роли, способствуют позитивной политике в сфере взаимоотношения полов, борются за права родителей, не живущих с детьми, т.е. за равноправное участие в воспитании обоих родителей после развода.

Во *втором параграфе «Специфика дихотомии «феминизм – антифеминизм» в современном философско-антропологическом дискурсе»* отмечается, что феминистское движение и идеология присутствуют в современном социокультурном пространстве *как результат глобализации*, провоцируя соответствующие антифеминистские настроения.

Глобализация затрагивает культурную сферу, приобретая форму вербальной экспансии. Языковые заимствования всегда присутствуют при взаимодействии или одностороннем воздействии культур, русский язык служит тому убедительным подтверждением. Наиболее оправдано и понятно вербальное заимствование в научных кругах и в профессиональной терминологии. Ведь целый ряд иностранных слов аналогов в русском языке не имеет, а в философии и не только некоторые авторы прибегают к «собственным», специально вводимым только в их работах терминам. В связи с вышеотмеченным напрашивается вопрос о правомерности и эффективности использования в русскоязычной исследовательской литературе «гендера».

«Gender», противопоставляемый «полу» («sex»), вошел в обиход в западной англоязычной исследовательской феминистской литературе в 70-е годы прошлого века. Терминологическое влияние оказал на отечественную русскоязычную профессиональную научную терминологию и западный феминизм. В России появилось множество публикаций по гендерной проблематике, защищено немало диссертаций, осуществлен даже выпуск журнала «Гендерные исследования». Используются новые понятия «сексизм» и «гендер». Если первое не получило особого распространения (возникнув по аналогии с «расизмом», оно обозначает угнетение одного пола другим, конечно, женского мужским, что, как отмечалось, почвы в современной России под собой не имеет), то «гендер», как уже упоминалось, прочно утвердился в отечественном социально-гуманитарном знании. В русскоязычной исследовательской литературе, рассматривающей те или иные стороны отношений полов, долгое время авторы обходились термином «пол», вкладывая в него различное содержание. То, что понятие «пол» трактовалось очень неоднозначно, подтверждает, к примеру, позиция В.В. Розанова, выступавшего против понимания пола как «функции», «органа».

Вслед за «сексом» в нашу культуру и науку приходит «гендер» – «новая социологическая категория», призванная отличать социальный пол от биологического, означающая совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Под гендером понимается *социальный конструкт*, закрепленные отношения, культурно заданный социокультурный пол. Формально она обогатила отечественный научный понятийный аппарат, а реально внесла в последний дополнительно еще большие трудности.

Неразрывную связь природного и общественного в человеке во всех их проявлениях не подвергают сомнению ни приверженцы биологизаторского подхода, ни поборники социологизаторства, дискуссия заключается в их пропорции и субординации. Гендерные исследования в феминизме ставят прежде всего *вопрос о власти* (мужчин над женщинами). Но властные отношения простираются и на пол, даже на тело.

В связи с этим, представляется нам, трудно согласиться с мнением политолога из США С. Ушакина, что данная категория не сумела спровоцировать значительный интерес со стороны российских ученых-

обществоведов и остается категорией «академического меньшинства». Сам С. Ушакин возражает против использования в русскоязычных исследовательских работах категорий секс/гендер. По его мнению, во-первых, ни одна из этих категорий не имеет однозначного эквивалента в русском языке, и попытки внедрить западный стандарт – это проведение своего рода «теоретического евроремонта» (однако, мы такими эквивалентами видим оппозицию биологический пол/социальный пол); во-вторых, у «пола» присутствует полифония смысла, в том числе предполагающая учитывать связь пола с механизмами подчинения и господства, на что как раз претендует «гендер» (здесь автору трудно возразить), следовательно, мы вполне можем обойтись и без «гендера».

Складывающийся в современной России биархат, позволяющий преодолевать крайности матриархата и патриархата, вместе с тем предполагает преодоление крайностей феминизма и антифеминизма. Российский вариант «мультикультурализма» имеет давние исторические корни, российское государство формировалось как многонациональное и многоконфессиональное, отсюда проистекает и традиционная терпимость, столь свойственная государствообразующему этносу – русскому. К тому же, если в позапрошлом столетии пресловутый «женский вопрос» объективно требовал разрешения, в XXI веке при всех еще сохраняющихся проблемах в отношениях полов актуальность феминизма утрачена, феминистское учение и феминистские организации в современной России имеют заимствованный с Запада характер, провоцируя соответствующую реакцию в виде антифеминистских настроений. Но феминистские настроения в свою очередь может провоцировать антифеминизм. Различия полов выступают различиями не сущности, сущность у них одна – человеческая, а существования. Не превосходство, а взаимодополняемость полов, не соревнование, а сотрудничество актуальны сегодня. И, конечно, актуально воссоздание ценностей семьи, особенно в свете сложившейся в России кризисной демографической ситуации.

В заключении сформулированы выводы, поставлены новые проблемы и намечены перспективы дальнейшего исследования заявленной проблематики.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах из списка ВАК:

1. Проблема равенства полов в конфронтации антифеминизма и феминизма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 9. – 2007. – № 24 (96). С. 88-91. – 0,4 п.л.
2. Дивертисмент современного российского кальвинистского антифеминизма // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 1 (31). – С. 152-155. – 0,4 п.л.

Публикации в научных сборниках и материалах конференций:

3. Русский язык в эпоху глобализации // *Философия поверх барьеров: планетарное мышление и глобализация XXI века: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов. Ч.2.* – Белгород: БелГУ, 2006. – С. 64-68. – 0,35 п.л.

4. Православное учение о взаимоотношении полов в свете феминистской и антифеминистской конфронтации // *Православие и духовный мир молодежи: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Белгород, 18 апр. 2007 г.).* – Белгород: БелГУ, 2007. – С. 221-224. – 0,25 п.л.

5. Биархатный вариант воспитания полов как преодоление крайностей антифеминизма и феминизма // *Менталитет, мировоззрение, credo в педагогике ненасилия. Материалы XXVIII Всероссийской науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 19 апр. 2007 г.).* – СПб.: 67 гимназия. Verba Magistri, 2007. – С. 306-308. – 0,3 п.л.

6. Категория «гендер» в отечественном социогуманитарном знании: феминистский аспект культурной глобализации // *Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития: материалы IX региональной науч.-практ. конф.:* в 2 т. Т.1. – Белгород: БелГУ, 2007. – С. 272-277. – 0,3 п.л.

7. Ценностные ориентации феминизма и антифеминизма // *Ценности и оценки: проблемы философии и науки: Сборник научных статей (Выпуск 3).* – Смоленск: Универсум, 2007. – С. 118-122. – 0,3 п.л.

8. Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография. / Под общей ред. Проф. О.И. Кирикова. – Кн. 12. – Воронеж: ВГПУ, 2007. – 431 с./С. 149-156 (в соавт.). – 27/0,5 п.л.

9. О. Вейнингер как провокатор феминизма // *Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы: сборник статей II междунар. конф.* – Омск: СИБИТ, 2007, С.104-108. – 0,3 п.л.

10. Афоризмы О. Уайльда как выражение антифеминистских настроений // *Духовное возрождение: сборник научных, научно-прикладных и творческих работ. Вып. XXVI.* – Белгород: БГТУ, 2007. – С. 242-245. – 0,25 п.л.

11. Отрицательные женские черты в антифеминистских текстах // *Сборник науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте» “2007”». Том 14.* – Одесса: Черноморье, 2007. – С. 69-72. – 0,25 п.л.

12. Антифеминистские тенденции в истории русской философской мысли // *«Булгаковские чтения»: I междунар. науч. конф. (памяти С.Н. Булгакова): сборник науч. статей.* – Орел: ОГУ, Картуш, 2007. – С.260-263. – 0,3 п.л.

13. Половая специфика спорта как эмпирическое опровержение крайностей феминизма и антифеминизма и ее проявление на занятиях физической культурой // *Состояние и перспективы развития физкультурного образования на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 17-20 окт. 2007 г.).* – Белгород: БелГУ, 2007. – С. 338-341 (в соавт.). – 0,4/0,2 п.л.

14. Ницшеанский антифеминизм // Сборник науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития-2007». Т.4. – Одесса: Черноморье, 2007. – С. 54-57. – 0,25 п.л.

15. Мужской взгляд на взаимоотношение полов Алексея Иванова (по повести «Блуда и МУДО») // Сборник науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2007». Т.5. – Одесса: Черноморье, 2007. – С. 72-25 (в соавт.). – 0,25/0,12 п.л.

16. Антифеминистские тенденции современной России как ответ на вызов культурной глобализации // Ученые записки: Сб. науч. статей. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2007. – С. 61-68. – 0,6 п.л.

17. Философская антропология полового диморфизма // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Вып. XXXVIII. – М.: Прометей, 2007. – С. 164-169. – 0,4 п.л.

18. Война полов: антифеминизм против феминизма // Исследование мира и миротворческий дискурс в системе образования: Материалы II междунар. конф. 14-16 июня 2007 г. – Томск: Томский гос. пед. университет, 2008. – С.75-78. – 0,25 п.л.

19. Глобализация и современный российский феминизм // Философия и наука поверх барьеров: человек и культур-но-исторические типы глобализации: материалы II Всерос.науч. конф. молодых ученых, докторантов, аспирантов и студен- тов. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 118-121. – 0,23 п.л.

20. Гендерное «чужebesие» и российский менталитет // Современные проблемы науки: Сб. материалов первой междунар. науч.-практ. конф.: 27-28 марта 2008 г. – Тамбов: ТАМБОВПРИНТ, 2008. – С. 100-101(в соавт.). – 0,12/0,06 п.л.

21. Антифеминизм и феминизм в свете духовно-нравственного воспитания подра- стающего поколения россиян // Наука и молодежь в начале нового столетия: Сб. док-ладов междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Губкин: ИП Уваров В.М., 2008. – Часть II. – С. 89-92. – 0,25 п.л.

22. Сущность, существование и «война полов» // Проблематизация человеческого бытия в современном мире: материалы всерос. науч. конф. (Курск, 15-16 мая 2008 г.). – Курск: Курский гос. университет, 2008. – С. 90-93. – 0,25 п.л.

23. Философский аспект рассмотрения конфронтации феминизма и антифеминизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 2. – С. 67-69. – 0,3 п.л.

24. Особенности этно-культурного менталитета модернизирующейся России в эпоху глобализации // Этнокультура и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 7 февраля 2009 г. – Белгород: БГИКИ, 2009. – С.93-101 (в соавт.). – 0,4/0,2 п.л.

25. Феминизм и антифеминизм в свете духовной безопасности российской молодежи // Духовная безопасность молодежи в общественно-

политическом и социальном пространстве современной России: основные стратегии развития. Материалы Междун. науч.-практ. конф. – Белгород: Управление по делам молодежи Белгородск. обл., БелГУ, 2009. – С. 167-169. – 0,25 п.л.

26. «Уродливый» плод западного просвещения: феминизм и антифеминизм в современной России // Шестые Страховские чтения: философские проблемы понимания в культуре и науке. Материалы междунар. науч. конф., Белгород, 25-26 нояб. 2010 г. – Белгород: БелГУ, 2010. – С. 327-331. – 0,25 п.л.

Подписано в печать 18.05.2012. Формат 60×84/16.

Гарнитура Times. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 148.

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИПК НИУ «БелГУ»

308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

